

Вольтер

Орлеанская девственница

ФТМ

**Перевод с французского
Николая Гумилева**

Вольтер

Орлеанская девственница

«ФТМ»

1755

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Вольтер

Орлеанская девственница / Вольтер — «ФТМ», 1755

ISBN 978-5-4467-3157-2

Написанная не для печати, зачисленная редакцией в разряд «отверженных» произведений, поэма Вольтера (1694–1778) «Орлеанская девственница» явилась одним из самых блестящих антирелигиозных памфлетов, какие только знала мировая литература. В легкомысленные образы облачает она большое общественное содержание. Яркие, кипучие, дерзкие стихи ее не только не потеряли своего звучания в наше время, но, напротив, получили большой резонанс благодаря своему сатирическому пафосу. Для своей поэмы Вольтер использовал один из драматических эпизодов Столетней войны между Францией и Англией – освобождение Орлеана от осаждавших его английских войск. Вольтер развенчивает слащавую и ханжескую легенду об орлеанской деве как избраннице неба, создавая уничтожающую сатиру на Церковь, религию, духовенство. Пародийно обыгрывая мотив чудодейственной силы, которая проистекает из чистоты и непорочности Жанны и которая якобы стала залогом ее победы над англичанами, Вольтер доводит эту мысль до абсурда: сюжет строится на том, что девичья честь Жанны служит предметом посягательств и коварных козней со стороны врагов Франции. Автор выводит на страницы поэмы целую галерею развратных, лживых, корыстолюбивых священнослужителей разного ранга – от архиепископа до простого монаха. Жанна в его поэме – краснощекая трактирная служанка с увесистыми кулаками, способная постоять за свою честь и обратиться в бегство врагов на поле боя. Замысел поэмы возник, очевидно, в 20-е годы XVIII в. Работал над ней Вольтер медленно, с большими перерывами. Первые песни были написаны к началу 30 – концу 40 гг.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-4467-3157-2

© Вольтер, 1755

© ФТМ, 1755

Содержание

Предисловие отца Апулея Ризория Бенедиктинца	6
Песнь первая	9
Песнь вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вольтер

Орлеанская девственница

(перевод Гумилёва Н.С.
под ред. Лозинского М.Л.)

Предисловие отца Апулея Ризория Бенедиктинца

Будем признательны доброй душе, благодаря которой у нас появилась «Девственница». Как известно ученым и как явствует из некоторых черт самого труда, эта героическая и назидательная поэма написана около 1730 года. Из письма 1740 года, напечатанного в собрании мелких произведений одного великого государя, под именем «Философа из Сан-Суси», видно, что некая немецкая принцесса, которой дали на время рукопись только для прочтения, была так восхищена осмотрительностью, с какой автор развил столь скользкую тему, что потратила целый день и целую ночь, заставляя списывать и списывая сама наиболее назидательные места упомянутой рукописи. Этот самый список наконец попал к нам. Обрывки нашей «Девственницы» уже неоднократно появлялись в печати, ценители здоровой литературы всякий раз бывали возмущены, видя, как ужасно она искажена. Одни издатели выпустили ее в пятнадцати песнях, другие в шестнадцати, восемнадцати, двадцати четырех, то разделяя одну песнь на две, то заполняя пропуски такими стихами, от которых отрекся бы возница Вертамона, прямо из кабачка отправлявшийся на поиски приключений¹.

Итак, вот «Иоанна» во всей своей чистоте. Мы боимся высказать слишком смелое предположение, назвав имя автора, коему приписывают эту эпическую поэму. Достаточно, чтобы читатели могли извлечь назидание из морали, скрытой в аллегориях поэмы. К чему знать, кто автор? Немало есть трудов, которые ученые и мудрые читают с наслаждением, не зная, кто их написал, как, например, «Pervigilium Veneris»² – сатира, приписываемая Петронию, и множество других.

Особенно нас утешает, что в нашей «Девственнице» найдется гораздо меньше дерзостей и вольностей, чем у всех великих итальянцев, писавших в этом роде.

Verum enim vero³, начать с Пульчи, – нам было бы очень досадно, если бы наш скромный автор дошел до тех маленьких вольностей, которые допускает тот флорентиец в своем «Morgante»⁴. Этот Луиджи Пульчи, бывший почтенным каноником, написал свою поэму в середине XV века для синьоры Лукреции Торнабуони, матери Лоренцо Медичи Великолепного; и передают, что «Morgante» пели за столом у этой дамы. Это была вторая эпическая поэма Италии. Ученые много спорили о том, серьезное это сочинение или шуточное.

Те, кто считал ее серьезной, основывались на вступлении к каждой песне, начинающемся стихами из Писания. Вот, например, вступление к первой песне:

¹ В последних изданиях этой поэмы, сделанных невеждами, читатель с возмущением видит множество стихов, вроде: И пальцем проверяет тут Шандос:Иоганна все по-прежнему ль девица?«Черт побори тесьму!» – хрипя, бранится.Но вот тесьму и вправду черт унес.Шандос встряхнуть свою тряпицу тщится,.....На свой манер у каждого повадка. О Людовике Святом там говорится:Уж лучше бы бедняга развлекалсяВ постели со своею Марготон...Он ракового супа не едал, и т. д. Кальвин там современник Карла VII; все искажено, все испорчено бесчисленными нелепостями; автор этой мерзости, годной единственно для всякого сброда, расстрига-капуцин, принявший имя Мобера.

² «Ночное бдение в честь Венеры» (лат.).

³ В самом деле (лат.).

⁴ «Морганте» (итал.).

In principio era il Verbo appresso a Dio;
Ed era Iddio il Verbo, e'l Verbo lui.
Questo era il principio al parer mio, etc.⁵

Если первая песнь начинается Евангелием, то последняя кончается «Salve regina»⁶, и это оправдывает мнение тех, которые полагали, что автор писал вполне серьезно: ведь в то время театральные пьесы, ставившиеся в Италии, извлекались из «Страстей» или из «Житий святых».

Те же, кто рассматривал «Morgante» как шуточное произведение, обратили внимание лишь на некоторые слишком большие вольности, там допущенные.

Морганте спрашивает Маргутте, христианин он или магометанин:

E se egli crede in Cristo o in Maometto.
Rispose allor Margutte: A dirtel tosto,
Io non credo più al nero che al azzuro;
Ma nel cappone, o lesso o vuoi arrosto;
.....
Ma sopra tutto nel buon vino ho fede;
E credo che sia salvo chi gli crede.
Or queste son tre virtù cardinale,
La gola, e'l culo, e'l dado, come io t'ho detto.⁷

Заметьте, пожалуйста, что Крешимбени, нисколько не затрудняющийся поместить Пульчи в ряду настоящих эпических поэтов, говорит, в его извинение, что это самый скромный и самый умеренный из писателей своего времени: «il più modesto e moderato scrittore». В действительности он был предшественником Боярда и Ариоста. Благодаря ему прославились в Италии Роланды, Рено, Оливье и Дюдоны, и он почти равен Ариосту чистотой языка.

Недавно вышло очень хорошее издание его con licenza de'superiori⁸. И, конечно, это не я его выпустил; если бы наша Девственница говорила так же бесстыдно, как этот Маргутте, сын турецкого священника и греческой монахини, я бы поостерегся ее печатать.

В «Иоанне» не найти и таких дерзостей, как у Ариоста; здесь не встретить святого Иоанна, обитающего на Луне и говорящего:

Gli scrittori amo, e fo il debito mio,
Che al vostro mondo fui scrittore anch'io.
.....
E ben convenne ad mio lodato Cristo
Rendermi guiderdon di sì gran sorte, etc.⁹

⁵ В начале было Слово – Слово Бога, Бог Словом был, и Слово было Богом, Все началось от этого порога, и т. д. (итал.).

⁶ «Здравствуй, царица» (лат.).

⁷ Кто свят ему – Христос или Магомет? Маргутте отвечал: «Ни в чох, ни в сон Не верю я, – но верую в цыпленка, Когда на славу подрумянен он..... А пуще верю я в стакан вина, Душа той верой будет спасена. Три главных добродетели мне святы: Зад, глотка и игра. Вот мой ответ (итал.).»

⁸ С разрешения властей (итал.).

⁹ Мне сочинителей любить пристало: Я в мире вашем сочинил немало..... По праву наградил меня Христос За то, что так его я превознес... (итал.).

Это заносчиво; и здесь святой Иоанн позволяет себе то, чего ни один святой в «Девственнице» себе никогда не позволил бы. Выходит, что Иисус обязан своей божественностью только первой главе Иоанна и что этот евангелист ему польстил! Подобное утверждение отдает социнианством. Наш сдержанный автор не мог бы впасть в такую крайность.

Также весьма для нас утешительно, что сей скромный автор не подражал ни одному из наших старинных романов, историю которых написали ученый епископ Авраншский Гюэ и компилятор аббат Ланеле. Доставьте себе удовольствие прочесть в «Ланселоте с озера» главу под заглавием: «О том, как Ланселот спал с королевой и как она вернулась к сиру де Лагану», и вы увидите, как целомудрен наш автор в сравнении со старыми нашими писателями.

Но *quid dicam*¹⁰ о чудесной истории Гаргантюа, посвященной кардиналу де Турнону? Известно, что глава «О подтирках» – одна из наиболее скромных в этом произведении.

О произведениях современных мы не говорим; скажем только, что все старые повести, сочиненные в Италии и переложенные в стихи Лафонтеном, также менее нравственны, чем наша «Девственница». В общем, мы желаем всем нашим строгим цензорам тонкие чувства прекрасного Монроза; нашим скромницам, если только они существуют, простодушие Агнесы и нежность Доротеи; нашим воинам – десницу мощной Иоанны; всем иезуитам – нрав доброго духовника Бонифация; всем управителям в хорошо поставленных домах – распорядительность и умение Бонно.

К тому же мы считаем эту книжечку отличным средством против ипохондрии, угнетающей в настоящее время некоторых дам и некоторых аббатов; и если мы окажем обществу хотя бы только эту услугу, мы сочтем, что потратили время не даром.

¹⁰ Что сказать (лат.).

Песнь первая

Нежная любовь Карла VII и Агнесы Сорель. Осада Орлеана англичанами. Явление святого Дениса и пр.

Я не рожден святыню славословить,¹¹
Мой слабый глас не взыдет до небес,
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь, – вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы¹²,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.¹³

Державный Карл, в расцвете юных дней,
В старинном Туре на балах пасхальных
(Он был любитель развлечений бальных)
Пленился, к счастью для своих земель,

¹¹ Некоторые издания гласят: *Вы мне святых велите славословить*. Это чтение правильно; но мы приняли другое, как более интересное. К тому же оно свидетельствует о большой скромности автора. Он признается, что недостойн воспевать девственницу. Этим он изобличает издателей, приписавших ему, в одном из изданий его сочинений, оду «Святой Женеви́еве», автором которой он, наверное, не является.

¹² Всякому ученому известно, что во времена кардинала Ришелье жил некий Шаплен, автор замечательной поэмы «Девственница», в которой, по словам Буало, «он написал двенадцатью двенадцать сот плохих стихов». Буало не знал, что этот великий человек написал их двенадцатью двадцать четыре сотни, но что, по скромности, напечатал только половину. Род Лонгвилей, происходивший от красавца Дюнуа-незаконнорожденного, назначил пресловутому Шаплёну пенсию в двенадцать тысяч ливров. Можно было бы лучше распорядиться своими деньгами.

¹³ Это Ламотт-Гудар, автор стихотворного перевода «Илиады», перевода очень сокращенного и тем не менее очень плохо встреченного. Фонтенель в академической похвале Ламотту говорит, что это вина оригинала.

Красавицей Агнесою Сорель.¹⁴
Такого чуда не встречали взоры.
Вообразите нежный облик Флоры,
Стан и осанку молодых дриад,
Живую прелесть Анадиомены
И Купидона шаловливый взгляд,
Персты Ахарны, сладкий глас сирены, –
В ней было все; пред ней бы в прах легли
Герои, мудрецы и короли.
Ее узреть, влюбиться, млеть от страсти,
Желаний сладких испытать напасти,
Глаз не сводить с Агнесы, трепетать
И голос, к ней приблизившись, терять,
Ей руки жать ласкающей рукою,
Дать чувствам течь пылающей рекою,
Томиться, в свой черед к себе маня,
Понравиться ей – было делом дня.
Любовь царей стремительней огня.
В любви искусна, думала Агнеса,
Что страсть их скроет тайная завеса,
Но эту ткань прозрачную всегда
Нескромный взор пронижет без труда.

Чтоб ни один о них не знал повеса,
Король избрал советника Бонно,¹⁵
Чью верность испытал уже давно:
Он был носителем большого чина,
Который двор, где все освящено,
Зовет учтиво другом властелина,
А грубые уста простолюдина –
Обычно сводней, что весьма срамно.
У этого Бонно в глуши укромной
Был на Луаре замок – хоть куда.
Агнеса тайно подплыла туда,
И сам король приехал ночью темной.
Их ужин ждал приятный, хоть и скромный;
Бонно достал вино из погребов.
Как вы ничтожны, пиршества богов!
Любовники, смущенные заране,
Во власти опьяняющих желаний,
В ответ на взгляд бросали жгучий взгляд,
Предвестие полуночных услад.
Беседа, скромная, но без стеснения,

¹⁴ Агнеса Сорель, дама из Фроманто, близ Тура. Король Карл VII подарил ей замок «Краса на Марне», и ее стали звать Дамой Красоты. У нее было двое детей от короля, ее любовника, хотя он не позволял себе с нею вольностей, согласно историографам Карла VII, людям, которые при жизни королей всегда говорят правду.

¹⁵ Лицо вымышленное. Иные охотники до сплетен утверждают, будто скромный автор имел в виду некоего толстого лакея некоего государя; но мы иного мнения, и наше замечание остается в силе. Как говорит Дасье.

Усиливала пламя нетерпенья.
Король Агнесу взором пожирал,
Нежнейший вздор украдкою шептал
И ногу ей ногою прижимал.

Окончен пир. Венеции и Лукки
Несутся хроматические звуки;¹⁶
С тройным напевом сладкий голос свой
Сливают скрипка, флейта и гобой.
Слова поют о сказочном герое,
Который, в ослепительной мечте
Прийтись по сердцу деве-красоте,
Забыл о славе и о поле боя.
Оркестр был скрыт в укромном уголке,
От молодой четы невдалеке.
Агнеса, девичьим стыдом томима,
Все слышала, никем чужим не зрима.

Уже луна вступила в свой зенит;
Настала полночь: час любви звенит.
В алькове царственно-позолоченном,
На темном и не слишком освещенном,
Меж двух простынь, каких теперь не ткут,
Красы Агнесы обрели приют.
Открыта дверь перед альковым прямо;
Алиса, многоопытная дама,
Ее не зря забыла притворить.
О юноши, способные любить,
Поймете вы и сами, без сомненья,
Как наш король сгорал от нетерпенья!
На пряди ровные его кудрей
Уж пролит дивно пахнувший елей.
Он входит, с девой он ложится рядом;
О, миг, чудесным отданный уладам!
Сердца их бьются, то любовь, то стыд
Агнесин лоб и жжет и леденит.
Проходит стыд, любовь же пребывает.
Ее любовник нежный обнимает.
Его глаза, что страсть восторгом жжет,
Не оторвутся от ее красот.
В чьем сердце не проснулася бы нега?

Под шеей стройною, белее снега,

¹⁶ Хроматическая гамма построена на последовательности полутонов, что создает музыку нежную, весьма располагающую к любовным утехам.

Две белых груди, круглы и полны,
Колышутся, Амуром созданы;
Увенчивают их две розы милых.
Сосцы-цветы, что отдохнуть не в силах,
Зовете руку вы, чтоб вас ласкать,
Взор – видеть вас, и рот – вас целовать.
Моим читателям служить готовый,
Их жадным взглядам я бы показал
Нагого тела трепетный овал, –
Но дух благопристойности суровый
Кисть слишком смелую мою сдержал.
Все прелесть в ней и все благоуханье.
Восторг, Агнесы пронизавший кровь,
Дает ей новое очарованье,
Живит ее; сильнее румян любовь,
И нега красит нежное создание.

Три месяца любовники живут,
Ценя свой обольстительный приют.
К столу приходят прямо от постели.
Там завтрак, чудо поварских изделий,
Дарует чувствам прежнюю их мощь;
Потом на лов среди полей и рощ
Их андалусские уносят кони,
И лаю гончих вторит крик погони.
По возвращенье в баню их ведут.
Духи Аравии, масла, елеи,
Чтоб сделать кожу мягче и свежее,
Над ними слуги пригоршнями льют.

Пришел обед; изысканное мясо
Фазана, глухаря или бекаса,
В десятках соусов принесено,
Ласкает нос, гортань и взгляд равно.
Аи веселый, искристый и пенный,
Токайского янтарь благословенный
Щекочет мозг и мыслям придает
Огонь, необходимый для острот,
Таких же ярких, как напиток пьяный,
Что зажигает и живет стаканы.
Бонно в ладоши хлопает, хваля
Удачные словечки короля.
Пищеваренье к ночи их готовит;
Рассказывают, шутят и злословят,
Под чтение Аленовых стихов;
Дивятся на сорбоннских докторов,
На попугаев, обезьян, шутов.

Подходит ночь; искусные актеры
Комедией увеселяют взоры,
И, день блаженный завершая вновь,
Над нежной парой властвует любовь.

Им, завлеченным в сети наслаждения,
Как первой ночью, новы упоенья.
Всегда довольны, ни один не хмур,
Ни ревности, ни скуки, ни бессилья,
Ссор не бывает; Время и Амур
Вблизи Агнесы позабыли крылья.
Карл повторял, обвив ее рукой,
Даря подруге жаркое лобзание:
«Агнеса, милая, мое желанье,
Весь мир – ничто перед твоей красотой,
Царить и биться, – что за сумасбродство!
Парламент мой отрекся от меня;¹⁷
Британский вождь грозней день ото дня;
Но пусть мое он видит превосходство:
Он царствует, но ты зато – моя».

Такая речь не слишком героична,
Но кто вдыхает благовонный мрак
В руках любовницы, тому прилично
И позабыться, и сказать не так.

Пока он жил средь неги и приятства,
Как настоятель тучного аббатства,
Британский принц¹⁸, исполнен святотатства,
Всегда верхом, всегда вооружен,
С мечом, освобожденным из ножен,
С копьем склоненным, с поднятым забралом
По Франции носился в блеске алом.
Он бродит, он летает, ломит он
Могучий форт, и крепость, и донжон,
Кровь проливает, присуждает к платам,
Мать с дочерью шлет на позор к солдатам,
Монахинь поруганью предает,
У бернардинцев их мускаты пьет,
Из золота святых монету бьет
И, не стесняясь ни Христа, ни Девы,
Господни храмы превращает в хлевы:

¹⁷ Парижский парламент три раза вызывал короля, тогда наследника, при звуках трубы, к мраморному столу, согласно заключению королевского прокурора Мариньи. (См. «Исследования» Паскье.)

¹⁸ Этот британский принц – герцог Бедфордский, младший брат Генриха V, короля Англии, коронованного на французский престол в Париже.

Так в сельскую овчарню иногда
Проникнет хищный волк и без стыда
Кровавыми зубами рвет стада
В то время, как, улегшись на равнине,
Пастух покоится в руках богини,
А рядом с ним его могучий пес
В остатки от съестного тычет нос.

Но с высоты блестящей апогея,
От наших взоров скрытый синевой,
Добряк Денис¹⁹, издавний наш святой,
Глядит на горе Франции, бледнея,
На торжество британского злодея,
На скованный Париж, на короля,
Что все забыл, с Агнесою дремля.
Святой Денис – патрон французских ратей,
Каким был Марс для римских городов,
Паллада – для афинских мудрецов.
Но надобно не смешивать понятий:
Один угодник стоит всех богов.

«Клянусь, – воскликнул он, – что за мытарство
Увидеть падающим государство,
Где веры водружал я знамена!
Ты, лилия, стихиям отдана;
Могу ли Валуа не сострадать я?
Не потерплю, чтоб бешеные братья
Британского властителя²⁰ могли
Гнать короля с его родной земли.
Я, хоть и свят, – прости мне, боже правый, –
Не выношу заморской их державы.
Мне ведомо, что страшный день придет,
И этот прекословящий народ
Святые извратит постановления,
Отступится от римского ученья
И будет папу жечь из года в год.
Так пусть заране месть на них падет:
Мои французы мне пребудут верны,
А бриттов совратит прельщенье скверны;

¹⁹ Этот добрый Денис (Дионисий) не есть так называемый Дионисий Ареопагит, но епископ Парижский. Аббат Гилдуин был первый, кто написал, что этот епископ, будучи обезглавлен, нес свою голову в руках от Парижа до самого аббатства, носящего его имя. Впоследствии на всех тех местах, где этот святой останавливался по дороге, были воздвигнуты кресты. Кардинал Полиньяк, передавая эту историю маркизе дю ***, добавил, что Денису стоило труда нести свою голову только до первой остановки; на что означенная дама ему ответила «Конечно, в подобных делах только первый шаг и труден».

²⁰ Генрих V, король Английский, величайший деятель своего времени, зять Карла VII, на сестре которого он был женат, умер в Венсене, будучи признан в Париже королем Франции; его брат, герцог Бедфордский, правил самой цветущей частью Франции именем своего племянника Генриха VI, также призванного в Париже как французский король парламентом, ратушей, судом, епископом, цехами и Сорбонной.

Рассеем же весь род их лицемерный,
Накажем их, надменных искони,
За все то зло, что сделают они».

Так говорил угодник в рощах рая,
Проклятьями молитвы уснащая.
И в тот же час, как бы ему в ответ,
Там, в Орлеане, собрался совет.
Был осажден врагами город славный
И изнемог уже в борьбе неравной.
Вельможи, ратной доблести полны,
Советники – седые болтуны,
По-разному неся свои печали,
«Что делать?» – поминутно восклицали.
Потон, Ла Гир и смелый Дюнуа²¹
Враз крикнули надменные слова:
«Соратники, вперед, вся кровь – отчизне,
Мы дорого продать сумеем жизни».
«Господь свидетель! – восклицал Ришмон. –
Дотла весь город должен быть сожжен;
Пускай ворвавшиеся англичане
Найдут лишь дым и пепел в Орлеане».

Был грустен Ла Тримуйль: «Ах, злой удел
Мне в Пуату родиться повелел!
В Милане я оставил Доротею;
Здесь, в Орлеане, я в разлуке с нею.
В боях пролью я безнадежно кровь,
И – ах! – умру, ее не встретив вновь!»
А президент Луве²², министр монарший,
На вид мудрец, с осанкой патриаршей,
Сказал: «Должны мы все же до тех пор
Просить парламент вынести приговор
Над англичанами, чтоб в этом деле
Нас в упущеньях упрекать не смели».
Луве, юрист, не знал того, – увы! –
Что было достоянием молвы:
А то бы он заботился не меньше,
Чем о врагах, о милой президентше.
Вождь осаждающих, герой Тальбот,
Любя ее, любим был в свой черед.
Луве не знал; его мужское рвенье
Лишь Франции преследует отмщенье.

²¹ Потон де Сентрайль, Ла Гир – великие полководцы; Жан де Дюнуа – побочный сын Людовика Орлеанского и графини Ангэнской; Ришмон – коннетабль Франции, впоследствии герцог Бретонский; Ла Тимуйль – из знатного рода в Пуату.

²² Президент Луве – министр-советник при Карле VII.

В совете воинов и мудрецов
Лились потоки благородных слов,
Спасать отчизну слышались призывы;
Особенно Ла Гир красноречивый
И хорошо, и долго говорил,
Но все-таки вопроса не решил.

Пока они шумели, в окнах зала
Пред ними тень чудесная предстала.
Прекрасный призрак с розовым лицом,
Поддержан светлым солнечным лучом,
С небес отверстых, как стрела, несется,
И запах святости в собрание льется.
Таинственный пришлец украшен был
Ушастой митрой, сверху расщепленной,
Позолоченной и посеребренной;
Его долматик по ветру парил,
Его чело сияло ореолом,²³
Его стихарь блистал шитьем тяжелым,
В его руке был посох с завитком,
Что был когда-то авгурским жезлом.²⁴
Он был еще чуть зрим в огне своем,
А Ла Тримуйль, святоша, на колени
Уже упал, твердя слова молений.
Ришмон, в котором сердце как булат,
Хулитель и кошунственник исправный,
Кричит, что это сатана державный,
Которого им посылает ад,
Что это будет шуткой презабавной –
Узнать, как с Люцифером говорят.
А президент Луве летит стрелою,
Чтоб отыскать горшок с водой святою.
Потон, Ла Гир и Дюнуа стоят,
Вперив в пространство изумленный взгляд,
Простерлись слуги, трепетом объаты.
Видение все ближе, и в палаты
Влетает тихо, на луче верхом,
И осеняет всех святым крестом.
Тут каждый крестится и упадает.
Он их с улыбкой кроткой поднимает
И молвит: «Не дрожите предо мной;

²³ Ореол – это венец из лучей, которые святые всегда носят на голове. Он, по-видимому, является имитацией лаврового венка, чьи расходящиеся листья окружали голову героев как бы лучами, ввиду чего некоторые производят слово «ореол» от *laurum, laure ola* (лавр, лавровая ветвь (лат.); другие производят его от *aurum* (золото (лат.)). Святой Бернард говорит, что у дев этот венец бывает золотой. «*Coronam quam nostril majores aureolam vocant, idcirco nominatam...*» (Венцу, который наши предки именуют ореолом, названному так потому... (лат.)).

²⁴ Жезл авгуров вполне походил на епископский посох.

Ведь я Денис²⁵, а ремеслом – святой.
Я Галлии любимой просветитель.
Но я оставил вышнюю обитель,
Увидя Карла, внука моего,
В стране, где не осталось ничего,
Который мирно, позабыв о бое,
Две полных груди гладит на покое.
И я решил прийти на помощь сам
За короля дерущимся бойцам,
Кладя предел скорбям многотревожным.
Зло исцеляют противоположным.
И если Карл для девки захотел
Утратить честь и с нею королевство,
Я изменить хочу его удел
Рукой юницы, сохранившей девство.
Коль к небу вы подъемлете главы,
Коль христиане и французы вы,
Для церкви, короля и государства
Вы призваны помочь мне без коварства,
Найти гнездо, где может обитать
Тот феникс, что я должен отыскать».

Так старичок почтенный объяснялся.
Когда он кончил, смех кругом раздался.
Ришмон, насмешник вечный и шутник,
Вскричал: «Клянусь, мой милый духовник,
Мне кажется, вы вздумали напрасно
Покинуть ваш приют весьма прекрасный,
Чтобы отыскивать в стране гуляк
Игрушечку, что цените вы так.
Спасать посредством девственности крепость
Да это вздор, полнейшая нелепость.
Притом не видно дев у нас в краю,
Зато они кишмя кишат в раю!
Свечей церковных в Риме и в Лорете
Не более, чем дев в нагорном свете.
Но вот во Франции – увы! – их больше нет,
В монастырях и то пропал их след.
От них стрелки, сеньоры, капитаны
Давно освободили наши страны;
Подкидышей побольше, чем сирот,
Наделал этот воровской народ.

²⁵ Этот Денис, патрон Франции, – святой в духе монахов. Он никогда не бывал в Галлии. См. легенду о нем в «Вопросах по поводу «Энциклопедии» под словом «Денис»: вы узнаете, что сперва он был рукоположен в епископы афинские святым Павлом; что он отправился навестить деву Марию и приветствовал ее по случаю смерти ее сына; что затем он покинул епископство афинское ради парижского; что его повесили и что с высоты своей виселицы он весьма красноречиво проповедовал; что ему отрубили голову, дабы он замолчал, что он взял голову в руки и лобызал ее по дороге, идя основывать аббатство своего имени в миле от Парижа.

Святой Денис, не нужно споров длинных;
В других местах ищите дев невинных».

Угодник покраснел пред наглецом;
Затем, опять на луч вскочив верхом,
Как на коня, не говоря ни слова,
Пришпоривает и взлетает снова,
За безделушкою, милей цветка,
Что так нужна ему и так редка.
Оставим же его; пока он рыщет
Везде, где есть дневным лучам пути,
Читатель-друг, желаю вам найти
Алмаз любви, которого он ищет!

Конец песни первой

Песнь вторая

Иоанна, получив снаряжение от святого Дениса, отправляется к Карлу VII в Тур; что она совершила по пути и как ей был дан патент на звание девы.

Блажен возлегший с девою на ложе!
Добро ему; но волновать сердца,
По-моему, во много раз дороже.
Любимым быть – вот счастье мудреца.
К чему лишать цветок его венца?
Пусть нас Любовь подарит этой розой.
Толковники нам исказили прозой
Прекрасный текст; когда принять их толк,
То с наслаждением несовместен долг.
Я против них готовлю сочиненье,
Где изложу искусство из искусств,
Как в самом долге черпать наслаждение,
Обуздывая треволенья чувств.
Святой Денис мое поддержит рвенье,
Ко мне склоняясь в горней вышине;
Я пел его, и он поможет мне.
Но, в ожиданье, должен рассказать я
Конец его святого предприятия.

Среди Шампанских невысоких гор,
Где сто столбов, увенчанных гербами²⁶,
«Вы в Лотарингии», – вещают сами,
Был городок, безвестный до тех пор;
Но он стяжал невянущую славу,
Затем что спас французскую державу
И галльских лилий искупил позор.
О Домреми, твои поля и воды
На годы да прославятся и годы!

Твоих холмов убогих не пестрят
Ни апельсин, ни персик, ни мускат,
И твоего вина я пить не стану;
Но Франции ты подарил Иоанну.
Здесь родилась она²⁷: кюре-петух,
Производивший всюду божьих слуг,

²⁶ В то время на всех границах Лотарингии были столбы с герцогским гербом, изображавших трех орлят; они были сняты в 1738 году.

²⁷ Она была действительно родом из села Домреми, дочерью Жана д'Арка и Изабо, трактирной служанки двадцати семи лет; таким образом, ее отец вовсе не был священником. Это поэтический вымысел, быть может, недопустимый в предмете важном.

За мессой, за столом, в постели рьяный,
Когда-то инок, был отцом Иоанны;
Стан горничной, дебелий и румяной,
Был формою, в которой отлита
Британцам памятная красота.
В шестнадцать лет при лошадях таверны
Ей отыскали заработок верный,
И в краткий срок о молодой красе
В округе Вокулера знали все.
Решительна осанка, но пристойна;
Огромные глаза пылают знойно;
Зубов блестящих ровно тридцать два;
Гордиться ими вправе ротик алый,
На строгий вкус не маленький, пожалуй,
Но выписанный кистью божества,
Волнующий и яркий, как кораллы.
Грудь смуглая, но тверже, чем скала,
Попу, бойцу и книжнику мила.
Жива, ловка, сильна; в одежде чистой,
Рукою полною и мускулистой
Мешки таскает, в чаши льет вино
Сеньору и крестьянину равно
И мимоходом оплеухи сыплет,
Когда повес нескромная рука
Ее за грудь или за бедра щиплет.
Смеется, трудится до огонька,
Коней впрягает, водит к водопою
Иль, их сжимая стройною ногою,
Летит резвее римского стрелка²⁸.

О глубина премудрости верховной!
Как ты играешь гордостью греховой
Всех величайших, малых пред тобой!
Как малый вознесен твоей рукой!
Святой Денис, служитель верный твой,
По замкам ослепительным не рыщет,
Средь вас, о герцогини, он не ищет,
Денис спешит, – чудно, но это так, –
На поиски невинности в кабаке.
Он в самый раз явился, чтобы девству
Обида не была нанесена.
Уже беда грозила королевству.
Известно, сколь коварен Сатана;
И, опоздай святитель на минутку,
Он с Францией сыграл бы злую шутку.

²⁸ «Ездила верхом без седла и выказывала мужество, которое обыкновенно девушкам не свойственно», как говорит «Хроника» Монстреле.

Один монах, прозванием Грибурдон,
Покинувший с Шандосом Альбион,
Был в это время в том же самом месте,
И он решил лишить Иоанну чести.
Разведчик, проповедник, духовник,
Он был бы первым в воровском собрание.
Повсюду он свой нос совать привык;
И был к тому ж искусен в тайном знанье²⁹.
Египетское ведал волшебство,
Что некогда хранилось колдунами,
Еврейскими седыми мудрецами;
Но наши дни утратили его;
Век тьмы, когда не помнят ничего!

Ему поведала его каббала,
Что гибелью Иоанна угрожала
Его друзьям, под юбкою своей
Нося судьбу обоих королей.
И, будучи в союзе с василиском,
Поклялся он ни спать, ни пить, ни есть,
Поклялся чертом и святым Франциском
Бесценный сей палладий³⁰ приобрести,
Над чувствами Иоанны торжествуя;
Он восклицал, гнусая аллилуйя:
«И родине и церкви послужу я;
Монах и бритт обязан жить, любя
Свою страну и, главное, себя».

У некоего грубого невежды
Явились те же самые надежды,
С правами теми же на страстный пыл
Уж потому, что конюхом он был;
Он предлагал вниманию подруги
Страсть грубую и грубые услуги;
Случайности ежеминутных встреч
Могли бы девушку к нему привлечь,
Но стыд ее торжествовал, по счастью,
Над проникающею в душу страстью.
И Грибурдон опасность увидал:
Как книги, он сердца людей читал.
Он страшного соперника находит
И разговор с ним ласковый заводит:

²⁹ Колдовство было тогда так распространено, что сама Иоанна д'Арк была сожжена впоследствии, как колдунья, по ходатайству Сорбонны.

³⁰ Статуя Паллады, с которой была связана судьба Трои; почти у всех народов бывали подобные суеверия.

«Могучий витязь, вы, без лишних слов,
Изрядней всех вам вверенных ослов
И девственницы стоите, конечно;
Как вы, я тоже страстью к ней палим.
Усилия свои соединим;
Я, как и вы, любовник безупречный.
Поделим же сей лакомый кусок,
Который, если ссориться бесплодно,
Из наших рук и ускользнуть бы мог.
Когда меня вам к ней свести угодно,
Я вызову немедля духа сна;
И очи нежные смежит она,
Чтоб бдили мы над ней поочередно».

Взяв книгу черную, монах скорей
Зовет того из сумрачных чертей,
Чье имя было некогда Морфей.
Сонливый бес гостит сейчас в Париже:
Когда поутру модный адвокат
Приводит ряд блистательных цитат, –
Он с судьями кивает лбом все ниже;
А днем внимает проповеди он
Учеников в искусстве Массильона,
Приемам, взвешенным со всех сторон,
Многообразию пустого звона;
И вечером в партере крепко спит.

Он к колеснице, слыша зов, спешит,
И две совы влекут его неслышно
По воздуху в молчанье ночи пышной.
Закрыв глаза, скривив зевотой рот,
Он к ложу девы ощупью бредет
И, грудь ей посыпая маком черным,
Томит ее дыханием снотворным.
Так, уверяли нас, монах Жирар³¹,
Младую исповедуя девицу,
Сумел вдохнуть в нее любовный жар
И похотью воспламенил юницу.

Меж тем, желанья грешного полны,
Монах и конюх, слуги Сатаны,
Стащили с девственницы одеяло;

³¹ Иезуит Жирар, уличенный в маленьких вольностях с девицей Кадьер, исповедовавшейся ему, был обвинен в том, что он ее околдовал, дыша на нее. См. объяснения к песни третьей.

Уж кости, по ее скользя груди,
Должны решить, чье место впереди,
Кому из них принадлежит начало.
Монах взял верх: счастливы колдуны;
Его желания распалены,
Он прыгнул на Иоанну; но неожиданно
Денис явился – и встает Иоанна.
Как слаб перед святыми грешный люд!
Соперники в смятении бегут,
И душу им трепещущую жгут
И лютый страх, и замысел злодейский.
Видали, верно, вы, как полицейский
Вступает в дом любви ночной порой:
Любовников раздетых юный рой,
Постели кинув, прыгает с балкона
От мрачных глаз блюстителя закона;
Так наши блудники бегут с тоской.

Денис стремится усмирить волненье
Иоанны, плачущей от возмущенья.
Он говорит: «Избрания сосуд,
Бог королей твоей рукой невинной
Решил отмстить честь Франции старинной
И водворить в их островной приют
Надменных англичан, народ бесчинный.
Бог превращает дуновеньем недр
Трепещущий тростник в ливанский кедр,
Сметает горы, сушит океаны
И воскрешает вымершие страны.
От шага твоего родится гром,
Повиснет ужас над твоим челом,
Ты с огнезарным ангелом победы
О дивной славе поведешь беседы.
Иди, о темной позабуди судьбе, –
Иное уготовано тебе».

При этой речи, грозной и прекрасной,
Весьма духовной и весьма неясной,
Иоанна широко раскрыла рот
И думала – что это он плетет?
Но благодать сильна: от благодати
В ее уме редет мрак понятий,
Как будто там взошло светило дня,
И в сердце – пыл священного огня.
Она теперь не прежняя служанка,
Она – уже герой, она – гражданка.
Так мещанин, досель неприхотлив,

От богача наследство получив,
Дворцом сменяет домик свой смиренный,
Свой скромный вид – развязностью надменной;
Слепит вельможу блеск его щедрот,
И светлостью простак его зовет.

Или, скорей, так швейка молодая,
Которую природа с юных лет
Готовила в бордель или в балет,
Которую кормила мать простая
Для счастья с мужиком в тиши пустынь, –
Когда ее Амур, везде порхая,
Кладет под короля, меж двух простынь,
Меняется в манерах и в походке,
На всех теперь лишь свысока глядит,
И в голосе слышны другие нотки,
И – впору королеве – ум развит.

Решив начать скорее подвиг бранный,
Денис во храм отправился с Иоанной,
И здесь явилась им средь бела дня
(Как нашей Деве это было странно!),
Спустившись с неба, дивная броня.
Из арсенала крепости небесной
Архистратиг великий Михаил
Извлек ее десницею чудесной.
И тут же рядом шлем Деборы был,³²
Гвоздь, что Сисаре голову пронзил;
Булыжник, пущенный пращей Давида
В гиганта отвратительного вида,
И челюсть та, которую Самсон,
Когда возлюбленной был продан он,
Разил врагов с неслыханною силой;
Клинок Юдифи, дивно заострен,
Ужасный дар предательницы милой,
Которым небо за себя отмстило,
Прервав ее возлюбленного сон.
Все это видя, Дева в восхищенье
Стальное надевает облаченье,
Рукою крепкою схватить спешит
Наплечник, наколенник, шлем и щит,
Булыжник, челюсть, гвоздь, клинок кровавый,
Примеривает все и бредит славой.

³² Дебора – первая из когда-либо упомянутых женщин-воительниц. Иаиль – другая героиня, вонзила гвоздь в голову полководца Сисары. Гвоздь этот хранится в нескольких православных и католических монастырях вместе с ослиной челюстью, которой пользовался Самсон, пращей Давида и мечом, коим знаменитая Юдифь отрубила голову полководцу Олоферну, или Олферну, сперва разделив с ним ложе.

У героини конь обязан быть;
У злого ль конюха его просить?
И вдруг осел явился перед нею,
Трубя, красуясь, изгибая шею.
Уже подседлан он и взнуздан был,
Пленяя блеском золотых удил,
Копытом в нетерпенье землю роя,
Как лучший конь фракийского героя;
Сверкали крылья на его спине,
На них летал он часто в вышине.
Так некогда Пегас в полях небесных
Носил на крупе девять дев чудесных,
И Гиппогриф, летая на луну,
Астольфа мчал в священную страну.
Ты хочешь знать, кем был осел тот странный,
Подставивший крестец свой для Иоанны?³³
Об этом я потом упомяну,
Пока же я тебя предупреждаю,
Что тот осел довольно близок к раю.

Уже Иоанна на осле верхом,
Уже Денис подхвачен вновь лучом
И за девицей поспешает следом
Приготовить короля к победам.
То иноходью шествует осел,
То в небесах несется, как орел.
Монах, как прежде, полный сладострастья,
Оправившись от своего несчастья,
Погонщика, посредством тайных сил,
Без промедленья в мула обратил,
Верхом садится, шпорит неустанно,
Клянется всюду гнаться за Иоанной.
Погонщик мулов и отныне мул
По ним рванулся и вперед скакнул;
И дух из грубого такого теста
Едва заметил перемену места.

Иоанна и Денис стремятся в Тур,
Где держит короля в цепях Амур.
Когда настала ночь, под Орлеаном
Пришлось им проезжать британским станом.

³³ NB. Читатель, обладающий вкусом, может заметить, что автор, тоже им обладающий и стоящий выше предрассудков, рифмует всегда для слуха, а не для глаз. Вы у него не встретите рифм: «trône» и «bonne», «pâte» и «patte», «homme» и «heaume». Краткая гласная звучит иначе и произносится не так, как долгая. «Jean» и «chant» произносятся одинаково.

Британцы, сильно пьющие досель,
Храпели, просыпая тяжкий хмель;
Прислуга, караул – все было пьяно.
Не слышалось ни труб, ни барабана:
Тот, поперек пажа разлегшись, спит,
А этот нагишом в шатре храпит.

И вот святитель, в справедливом гневе,
Такую речь нашептывает Деве:
«Наверное о Нисе знаешь ты³⁴,
Который под покровом темноты,
Сопутствуем любезным Эвриалом,
Уснувших рутулов разил кинжалом.
И так же Рес могучий был сражен³⁵
В ту ночь, когда отважный сын Тидея,
Союзником имея Одессея,
Преобразил, не повстречав препон,
Спокойный сон троянцев в вечный сон.
Ты можешь ту же одержать победу.
Пойдешь ли ты по доблестному следу?»
Иоанна молвит: «Прекратим беседу;
Нет, низкой доблесть стала бы моя,
Когда бы спящих убивала я».
Так говоря, Иоанна видит рядом
Шатер, залитый лунным серебром,
Рисующийся восхищенным взглядам
По меньшей мере княжеским шатром.
У входа – бочки с дорогим вином.
Она хватает кубок превеликий,
Закусывает жирным пирогом
И чокается с дивным стариком
За здоровье французского владыки.

Хозяином шатра был Жан Шандос³⁶.
Великий воин спал, задравши нос.
Иоанна похищает меч у бритта
И пышные штаны из аксамита.
Так некогда Давид, к его беде,
Царя Саула встретив кое-где,
Не захотел закрыть царевы вежды,
А только вырезал кусок одежды
И показал вельможам тех сторон,
Что мог бы сделать, но не сделал он.

³⁴ Эпизод, описанный в «Энеиде».

³⁵ Эпизод из «Илиады».

³⁶ Один из великих полководцев того времени.

Шандосов паж спал тут же безмятежно,
Четырнадцатилетний, милый, нежный.
Он спал ничком. Была обнажена,
Как у Амура, вся его спина.
Невдалеке чернильница стояла,
Служившая ему, когда, бывало,
Пожинав, он песни сочинял
Красавицам, чей взор его пленял,
И вот рисует Дева, шутки ради,
Три лилии на юношеском заде,
Для Галлии обет счастливых дней
И памятник величья королей,
Глаза святого с гордостью следили
На заде бритга рост французских лилий.
Кто поутру обескуражен был?
Шандос, проспавший пиршественный пыл,
Когда увидел на паже красивом
Три лилии. Во гневе справедливом
Он о предательстве заводит речь;
Он ищет возле изголовья меч.
Напрасно ищет; нет его в помине,
Как нет штанов; он, точно лев в пустыне,
Кричит, бранится, думая со сна,
Что в лагерь забирался Сатана.

Стремительно, как солнца луч блестящий,
Осел крылатый, Деву уносящий,
Всю землю мог бы облететь вокруг!
Святой с Иоанной прибыл ко двору.
Денису вмиг подсказывает опыт,
Что здесь царят насмешки, свист и шепот.
Он, вспоминая дерзновенный тон,
В котором с ним беседовал Ришмон,
Не хочет вновь отдать на посмеянье
Епископа святое одеянье.
Для этого прибегнул он к игре:
Он скромный вид и наименование
Берет Рожера³⁷, твердого в добре,
Усердного и в битве, и во храме,
Советника с правдивыми речами,
Любимого, однако, при дворе.

«Клянусь Христом, – промолвил он владыке, –

³⁷ Имя его было не Рожер, а Роберт; ошибка незначительная. Это он в 1429 году привез Иоанну д'Арк в Тур и представил ее королю. Был он добрый шампанец, человек бесхитростный. Его замок стоял возле Бриенна в Шапани. На дверях этого бедного замка я видел его девиз – виноградную лозу с надписью: «Beau, dru et court» (Буквально: «Хорошо, весело и быстро» (франц.). По ней можно судить о тогдашнем остроумии.

Возможно ль, чтоб дремал король великий
В цепях Амура средь таких трущоб!
Как! Ваши руки чужды состязанью!
Ваш лоб, ваш гордый королевский лоб
Венчан лишь миртом, розами да тканью!
Вы грозных оставляете врагов
На троне ваших царственных отцов!
В сражении умрите смертью славной
Иль сатанинских изничтожьте слуг;
Достойны вы носить венец державный,
И лавры ожидают ваших рук.
Господь, чей дух во мне отвагу будит,
Господь, который помогать вам будет,
Через меня вешает о судьбе.
Решитесь верить и помочь себе:
Последуйте за этой девой смелой;
То Франции спасительница целой;
Ее рукой вернет нам царь царей
Законы наши, наших королей.
Иоанна с вашей помощью изгонит
Врага, который страшен и жесток;
Мужчиной станьте; и когда сам рок
Вас юной деве подчиниться клонит,
По крайней мере, избегайте той,
Что в сердце гасит пламень боевой,
А, веруя в чудесное спасенье,
Спешите вслед за приносящей мщенье».

У короля французов в сердце есть
Не только томный пламень, но и честь.
Суровый голос старого витии
Его исторг из сонной летаргии.
Так в некий день, средь тверди голубой,
Архангел, потрясая мир трубой,
Прах оживляя, гробы разверзая,
Пробудит смертных к ликованью рая.
Карл пробужден, он яростью кипит,
В ответ на речь он восклицает: «К бою!»
Он увлечен теперь одной войною,
Хватает пику и хватает щит.

Но тотчас же за первой вспышкой гнева,
Которым чувства в нем опьянены,
Он хочет знать: таинственная дева –
Посланница творца иль Сатаны,
И это столь неожиданное явление –
Святое чудо или наважденье.

К надменной деве обратив вопрос,
Он величавым тоном произнес
Слова, какими всякая смутится:
«Иоанна, слушайте, а вы – девица?»
Она в ответ: «Велите, я снесу,
Чтоб доктора с очками на носу,
Аптекарь, бабка и писец случайный
Те женские исследовали тайны;
И кто еще знаток по тем делам,
Пусть подойдет и пусть посмотрит там».
Карл в этой речи, мудрой и смиренной,
Ответ увидел боговдохновенный.
Он молвил: «Чтоб поверил я вполне,
Скорей, не думая, скажите мне,
Чем в эту ночь я с милой занимался».
Но коротко: «Ничем!» – ответ раздался.
Склонился Карл пред божиим перстом
И крикнул: «Чудо» – осенясь крестом.
Выходят, меховым кичась убором,
Ученые, в руке их Гиппократ,
Колпак на голове; они глядят
На девушку, открытую их взорам³⁸
Совсем нагой, и господин декан,
Вотще искав какой-нибудь изъян,
Вручает миловидной внучке Евы
Пергаментный патент на званье девы.

Священной гордости горя огнем,
Она склоняется пред королем
И, внемля свиты радостному кличу,
Развертывает славную добычу –
Штаны Шандоса, скрытые дотоль.
«Позволь мне, – говорит, – о мой король,
Вернуть под власть твою, твои законы,
Ту Францию, где ныне скорбь и стоны.
Клянусь, я превзойду твои мечты:
Клянусь тебе моей чудесной силой,
Моим мечом и девственностью милой,
Что будешь в Реймсе коронован ты;
Ты прилетишь грозою к англичанам,
Которые стоят под Орлеаном.
Иди, взнесись до дивной высоты;
Иди, простившись с тихою рекою,
И мне дозволь повсюду быть с тобою».

³⁸ Действительно, врачи и почтенные женщины исследовали Иоанну и признали ее девственной.

Придворные теснятся перед ней,
С нее и с неба не сводя очей,
Ей хлопают, дивятся, ободряют,
Восторгом бурным зову отвечают.
И каждый, поднимающий копье,
Оруженосцем хочет быть ее.
Жизнь за нее отдать согласен каждый,
И в то же время каждый одержим
Мечтой о славе и палящей жаждой
Отнять тот клад, что ею так храним.
Все в путь готовы, всякий суетится:
Один спешит с любовницей проститься,
Тот, отощав, к ростовщику идет,
Тот, не платя, свой разрывает счет.
В руке Дениса орифламма³⁹ реет.
При этом виде в сердце Карла зреет
Высокая надежда. Грозный стяг,
Перед которым убегает враг,
Иоанна и осел, парящий в небе,
Ему бессмертный обещают жребий.

Денис хотел, бросая этот кров,
Лишить любовников прощальных слов,
Чтоб слез они зазря не проливали
И времени напрасно не теряли.
Агнеса, не подозревая зла,
Хоть был и поздний час, еще спала.
Счастливый сон, пленительный и лгущий,
Ей рисовал восторг, ее бегущий,
Ей снилось, что с любовником своим
Она любви вкушает наслажденье;
Ты обмануло, сладкое виденье:
Ее любовник уведен святым.
Так иногда в Париже врач бездушный
На жирные блюда кладя запрет,
Больному не дает доесть обед,
К его прожорливости равнодушный.

Добряк Денис, насилу оторвав
Монарха от пленительных забав,
Бежит скорей к своей овечке милой,
К Иоанне, девственнице с львиной силой.
Теперь он снова, как и был, святой:
Тон набожный, смиренные повадки,
Жезл пастыря и перстень золотой,

³⁹ Знамя, принесенное ангелом в аббатство Сен-Дени и бывшее некогда в руках графов Вексенских.

Епископская митра, крест, перчатки.
«Служи, – сказал он, – храбро королю
И знай, что я тебя навек люблю.
Но с лаврами отваги горделивой
Сплетай цветы невинности стыдливой.
Твои стопы направлю в Орлеан.
Когда Тальбот, начальник англичан,
Возрадуется сердцем злого зверя,
В свое свиданье с президентшей веря,
Твоя рука швырнет его во тьму.
Но, грех казня, не подражай ему.
Отважна будь, но с набожною думой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.